

БЕСПЛАТНО

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

У
Г-184

+

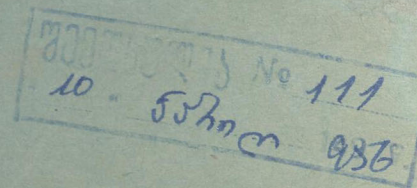
На правах рукописи

- 184 -

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

НЕИНДООЕВРОПЕЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ХЕТТСКОГО
(НЕСИТСКОГО) ЯЗЫКА

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Издательство Академии наук Грузинской ССР

Тбилиси — 1956

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

4
✓ Г-184
На правах рукописи

- N 184 -

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

**НЕИНДРОЕВРОПЕЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ХЕТТСКОГО
(НЕСИТСКОГО) ЯЗЫКА**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Издательство Академии наук Грузинской ССР

Тбилиси — 1956

Находка остатков архива хеттских царей на территории древней столицы Хеттского царства города Хаттуса (совр. Богазкёй) положила начало новому периоду в изучении языков, истории и культуры народов Малой Азии.

Клинописные документы из этого архива открыли новую страницу истории древнего мира, дали возможность проникнуть вглубь тысячелетий и восстановить историческое прошлое одной из древнейших народностей Востока, сыгравшей значительную роль в развитии человеческой культуры.

Основная масса клинописных табличек из Богазкёйского архива составлена на так называемом клинописном хеттском или неситском языке.

Неситский язык, засвидетельствованный письменными памятниками первой половины второго тысячелетия до н. э., является древнейшим представителем индоевропейской языковой группы. Данные этого языка, проявляющего во многих отношениях архаичные черты, характерные для общеиндоевропейского языкового состояния, вносят ясность во многие темные вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Неситский язык, сохранивший консонантные рефлексy индоевропейских «ларингальных» согласных, играет особую роль в исследовании вопросов о древнейшем индоевропейском вокализме. Поэтому понятно то огромное значение, которое приобретает изучение конкретных вопросов грамматической структуры неситского языка для исследования путей развития звуковой системы и морфологической структуры отдельных исторически засвидетельствованных индоевропейских языков и построения индоевропейской сравнительно-исторической грамматики.

*
* *

Диссертационная работа посвящена исследованию вопросов о влиянии на грамматическую структуру и фонетический состав неситского языка хаттского языкового субстрата, а также других неиндоевропейских языков, с которыми неситский язык находился в постоянном взаимодействии в течение длительного

периода. В этой связи исследуются отдельные структурные особенности неситского языка.

В работе использованы все доступные нам неситские тексты исторического, литературного, ритуального и правового содержания, изданные в автографиях или транскрипции.

Кроме того, учитываются данные, все еще весьма скудные, остальных индоевропейских языков, обнаруженных в Богазкёйском архиве (лувийского, палайского), а также так называемого «иероглифического хеттского» языка.

Диссертационная работа состоит из трех глав.

В первой главе дается краткая характеристика языков Богазкёйского архива и рассматривается вопрос об их взаимоотношении. В этой связи излагается так называемая «индо-хеттская» гипотеза Э. Стертеванта и дается ее критический анализ.

Э. Стертевант придает особое значение для обоснования «индо-хеттской» гипотезы наличию в индоевропейском указательных местоимений *so, *sā, *tod, возникших, по его мнению, из «индо-хеттских» конгломератов союза и энклитических местоимений, которые сохранились в неситском языке в виде ša—aš (им. пад.) «и он, она», ša—an (вин. пад.) «и его, ее», ta—at (им.-вин. ср. род.) «и оно, его». И.-е. местоимение *so восходит, согласно Э. Стертеванту, непосредственно к «индо-хеттскому» союзу *so, так как этим союзом вводилось в «индо-хеттском» языке предложение без замены субъекта.

С другой стороны, конгломераты с союзом *to (*to—*om, ср. род *to—*od), используемым в «индо-хеттском» языке в предложениях с заменой субъекта, приобретали в индоевропейском значении винительного падежа.

В работе на целом ряде примеров показано, что неситские союзы su и ta, которые восходят, по мнению Э. Стертеванта, к тем же «индо-хеттским» союзам *so и *to, могут связывать предложения как с общим субъектом, так и с разными субъектами.

Предположение Э. Стертеванта о синтаксических особенностях «индо-хеттских» союзов *so и *to не оправдывается данными неситского языка и не может быть обосновано на конкретном лингвистическом материале.

В таких условиях положение Э. Стертеванта о связи индоевропейских указательных местоимений с «индо-хеттскими» конгломератами лишается своей основной научной предпосылки, без доказательства которой становится непонятным распределение корней *so- и *to- в индоевропейских местоименных формах.

Остальные приводимые Э. Стертевантом положения в пользу «индо-хеттской» гипотезы неубедительны и не могут служить

основанием для выделения неситского языка и остальных родственных с ним языков древней Малой Азии в особую «анатолийскую» языковую группу, якобы восходящую совместно с индоевропейской языковой группой к общему «индо-хеттскому» языку-основе.

Неситский язык проявляет во многом черты, отличающие его от остальных исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. Однако эти особенности неситского языка могут быть объяснены либо как архаизмы, унаследованные из индоевропейского языка-основы, либо как новшества, возникшие в процессе самостоятельного внутреннего развития или под влиянием других языков, с которыми неситский язык находился в постоянном взаимодействии. Все эти процессы преобразили первоначальный облик неситского языка и значительно отделили его уже в древнейшую эпоху от остальных индоевропейских языков.

В этом отношении особый интерес вызывает так называемый прото-хеттский или хаттский язык, язык коренных обитателей восточных областей Малой Азии, который скрестился с языком, занесенным сюда индоевропейскими переселенцами.

Отрывки на этом языке встречаются в неситских текстах ритуального характера. Хаттский язык употреблялся в культе некоторых божеств хеттского пантеона, что указывает на исключительную древность этого языка. В начале второго тысячелетия до н. э., которым датируются древнейшие клинописные документы Богазкёйского архива, хаттский язык был вытеснен неситским языком, в результате чего он сделался малодоступным для понимания. Этим и объясняются встречающиеся в клинописных табличках переводы на неситский язык хаттских молитв и заклинаний, произносимых жрецами при различных культовых обрядах. В текстах особо отмечается, что они произносятся ḫattili «по-хаттски». Клинописный же «хеттский» язык именуется «несийским» или «неситским» (ср. nāsili, nesumnili «по-несийски»). Поэтому мы считаем более целесообразным называть клинописный «хеттский» язык «хеттско-неситским» или просто «неситским», язык же коренных обитателей именовать «хаттским» в полном соответствии со свидетельством Богазкёйского архива.

Во второй главе работы дан морфологический очерк хаттского языка.

Значение отдельных морфологических элементов устанавливается путем комбинаторного анализа хаттских форм и сопоставления хаттских фраз с соответствующими неситскими переводами.

Хаттская грамматическая структура известна весьма фрагментарно. Большинство формообразовательных элементов не

поддается пока удовлетворительному определению вследствие скудости хаттского языкового материала.

В структурном отношении хаттский язык резко отличается от языков индоевропейской и семитической групп и проявляет своеобразные языковые черты, обнаруживая сходство с некоторыми иберийско-кавказскими языками. Ряд формообразовательных элементов хаттского языка находит параллели в иберийско-кавказских языках.

На основании анализа топонимических данных делается вывод о наличии в Малой Азии в древнейшую эпоху и других неиндоевропейских языков, родственных хаттскому. В этом отношении особое внимание уделяется вопросу о происхождении весьма распространенного в топонимике Малой Азии суффикса -ss- (греч. -σσ-), который ряд исследователей считает индоевропейским суффиксом принадлежности. Однако наличие данного суффикса в неиндоевропейской, в частности хаттской, топонимике свидетельствует против положения о его индоевропейском происхождении.

С установлением того факта, что коренные обитатели восточных областей Малой Азии говорили на хаттском языке, не относящемся к индоевропейской группе, возникает вопрос о появлении племен, занесших сюда языки индоевропейского строя. Особый интерес в этом отношении вызывают племена, говорившие на неситском языке, который сделался официальным языком Хеттского царства. Большинство исследователей относит появление в Малой Азии индоевропейских племен к началу второго тысячелетия до н. э. Однако против этого положения свидетельствуют данные неситского языка. Язык этот, известный нам по клинописным текстам, древнейшие из которых датируются началом второго тысячелетия до н. э., сохраняя во многом архаичные индоевропейские языковые черты, обнаруживает в словарном составе и грамматической структуре большое количество элементов, неиндоевропейский характер которых не может вызывать сомнений. Все это предполагает длительный процесс взаимодействия неситского языка с неиндоевропейскими языками Малой Азии в течение многих столетий. Следовательно, племена, занесшие неситский язык, должны были появиться в Малой Азии значительно раньше конца третьего тысячелетия до н. э.

Это проникновение индоевропейских племен в Малую Азию не носило характера внезапного нашествия, сметавшего на своем пути местные, веками сложившиеся культурно-экономические традиции; оно протекало, по всей видимости, в виде длительного процесса просачивания нового этнического элемента в гущу коренного населения страны, которое его постепенно поглощало и ассимилировало. В результате такого смешения и скрещения

племен, занесших в Малую Азию язык индоевропейского строя, и местных хаттских племен, намного превосходивших их численностью и степенью культурного развития, сложилась хеттская народность, создавшая во втором тысячелетии до н. э. могущественное Хеттское царство.

Полная ассимиляция индоевропейских племен местными хаттскими племенами заканчивается, по всей вероятности, уже ко второму тысячелетию до н. э. Поэтому неправомерно выделять в хеттской народности особый господствующий слой «индоевропейцев», противопоставляя их остальной массе населения Хеттского царства. Ни в одном из известных нам клинописных текстов из Богазкёйского архива нет хотя бы малейшего намека на существование среди хеттов особого господствующего слоя, этнически отличного от остальной массы хеттского общества. Против такого противопоставления свидетельствует и наличный ономастический материал. Основная масса населения Хеттского царства носит старое название, восходящее к коренным обитателям этих областей. Весьма характерно, что уже в древнейшее время хетты носят имена малоазиатского, главным образом хаттского, происхождения. Это особенно ясно видно в типично хаттских именах древнейших хеттских царей — основателя хеттской династии Лабарны, его преемников Хаттусили, Мурсили, Телипину и др.

Все это указывает на то, что уже к началу второго тысячелетия до н. э. процесс ассимиляции индоевропейских племен аборигенным населением был в основном закончен. Описанные в одном из древнейших неситских текстов походы царя города Куссара Анитты, сына Питханы, против городов Несы, Хаттуса и др. следует рассматривать не как факт столкновения различных этнических группировок, в данном случае хаттских и индоевропейских племен, а как борьбу отдельных политических объединений за гегемонию в Малой Азии.

Процесс постепенного проникновения индоевропейских племен в гущу коренного населения Малой Азии находит полную аналогию в древнем Двуречье, где, по мнению выдающегося шумеролога Т. Якобсона, обоснование семитических племен осуществилось не в результате завоевания Месопотамии семитами и покорения шумеров, а в процессе постепенного просачивания нового этнического элемента в массу древнейшего шумерского населения страны.

Проникновение в Малую Азию индоевропейских племен повлекло за собой значительные изменения в ее языковом составе, привело к распространению в Малой Азии индоевропейских языков среди местного населения.

В районах древнего ирригационного земледелия поддержание тесных связей между племенами представляло значитель-

ные трудности. Это создавало благоприятные условия для распада некогда единого языка на отдельные диалекты. Хаттский язык, язык оседлых земледельческих племен Малой Азии, имевший длительную историю своего развития, уже ко времени появления в Малой Азии индоевропейских племен был, по всей вероятности, расчленен на отдельные диалекты, носители которых с трудом понимали друг друга. В отличие от этого, индоевропейские племена, заселившие территорию распространения хаттских диалектов, говорили на едином неситском языке.

В условиях разложения первобытно-общинного строя, с зарождением классового общества и расширением культурно-экономических связей между отдельными племенами возникала необходимость в общем языке, доступном для говоривших на отдельных диалектах хаттских племен. Этим языком был неситский язык, занесенный на территорию распространения хаттских диалектов индоевропейскими переселенцами. В таких условиях возникало двуязычие и создавалась предпосылка для перехода от значительно отделившихся друг от друга диалектов хаттского языка на единый неситский язык. Однако хаттские племена, усваивая новый язык, сохраняли старые, веками выработанные артикуляционные навыки, синтаксические особенности, лексические и морфологические элементы прежнего языка, постепенно вытеснявшегося в течение длительного периода двуязычия. Все это привело к изменениям в словарном составе, фонетической и морфологической структуре неситского языка, уже в древнейшее время значительно отделившегося от остальных индоевропейских языков.

В третьей главе диссертационной работы дается подробный фонетический и морфологический анализ элементов неситского языка, возникших под влиянием неиндоевропейских языков, главным образом хаттского языка.

Одной из характерных особенностей неситского языка является наличие в его фонетической системе особо распространенной фонемы, передаваемой в неситской клинописи знаками для h . В большинстве случаев фонема эта не находит соответствий в исторически засвидетельствованных индоевропейских языках. В связи с этим возникает вопрос о ее появлении под влиянием хаттского и других неиндоевропейских языков древнего Востока, в которых h является весьма распространенным звуком. Однако наличие h в ясных в этимологическом отношении неситских словах и грамматических формах индоевропейского происхождения указывает на исконность данной фонемы в фонетической системе неситского языка.

Польским языковедом Е. Куриловичем было высказано предположение о происхождении неситской фонемы h в словах и формах, имеющих индоевропейскую этимологию, от постулированных Ф. Соссюром «сонантических коэффициентов».

В связи с этим в диссертационной работе подробно излагаются положения индоевропейской «ларингальной теории» и дается анализ работ отдельных исследователей по этим вопросам.

В некоторых неситских формах, восходящих к индоевропейским формам, в которых восстанавливаются «ларингальные» согласные, наличествует фонема h , не находящая эквивалента в соответствующих формах остальных исторически засвидетельствованных индоевропейских языков.

Естественно предположить, что h в этих формах является консонантным рефлексом восстанавливаемых индоевропейских «ларингальных» согласных. При этом «ларингальные» H_1 и H_2 передаются в неситском в виде h как в начале слова, так и в соседстве с согласными w, l, r, n, s . «Ларингальные» согласные сохраняются в неситском в качестве согласного h и в интервокальном положении с последующими гласными «а» или «и». При этом удвоенное написание встречается, как правило, после гласного «а»; в формах с предшествующим «е» h представлено в простом написании (Г. Хендриксен).

Удвоенное написание h в глагольных формах первого лица единственного числа изъявительного наклонения настоящего времени спряжения на $-hi$, восходящего к индоевропейскому перфекту, объясняется встречей двух «ларингальных» согласных.

Вопрос о существовании «ларингального» H_3 и, следовательно, наличии гласного «о» на полной (нормальной) ступени огласовки остается пока открытым, т. к. не исключена возможность, что приводимые индоевропейские формы с гласным «о» получены от утерянных в дальнейшем форм с первоначальной огласовкой «е» или «а» в результате качественного аблаута. Это подтверждается в некоторых случаях данными неситского языка. Неситский язык показывает первоначальную огласовку «е» в формах, соответствующих формам с огласовкой «о» ранее известных индоевропейских языков.

На основании анализа неситских имен в аккадской клинописи и египетской иероглифике можно заключить, что знаками для h выражался в неситском языке, как и в аккадском, глухой задненёбный спирант. Об этом же свидетельствует особое ребусное написание при помощи аккадских идеограмм некоторых неситских имен, а также факт чередования в неситском звука, выраженного знаками для h , с задненёбным k .

Наряду с примерами, свидетельствующими о наличии соответствия и.-е. * H —нес. h (hh), встречаются неситские формы, восходящие к индоевропейским формам с «ларингальными» согласными, в которых, однако, отсутствует фонема h в качестве рефлекса этих «ларингалов».

Необходимо дать удовлетворительное объяснение этому явлению, следует найти определенную закономерность, объясняющую отсутствие в неситских формах фонемы h , восходящей к индоевропейским «ларингальным» согласным, которые восстанавливались в соответствующих формах других индоевропейских языков; в противном случае положение о соответствии и.-е. * h — нес. h теряет под собой почву, что ставит под сомнение данные «ларингальной теории», превращая их в гипотетические положения, не вытекающие с необходимостью из конкретных лингвистических фактов исторически засвидетельствованных индоевропейских языков.

Однако в таком случае требуют объяснения причины появления звука h в неситских словах, соответствующих словам остальных индоевропейских языков, в которых этот звук отсутствует.

Некоторые исследователи, которые отрицают индоевропейскую «ларингальную теорию» и не признают поэтому соответствия и.-е. * h — нес. h , дают согласному h в неситских формах индоевропейского происхождения совершенно иное толкование, считая его звуком вторичного, более позднего происхождения (Г. Бонфанте, В. Петерсен).

В работе дается критический анализ положений этих авторов. Положение о возникновении h в неситском в «иррациональных» формах или для графического выражения долготы гласного (Г. Бонфанте) не может считаться удовлетворительным объяснением наличия h в неситских формах индоевропейского происхождения.

Положение В. Петерсена о вторичном возникновении начального h в формах на нулевой ступени и наличии чередования $w/hu-$ не оправдывается конкретными данными неситского языка.

Единственным удовлетворительным объяснением наличия фонемы h в неситских формах индоевропейского происхождения является признание ее рефлексом особых индоевропейских фонем, которые были утеряны в остальных индоевропейских языках.

В таких условиях необходимо найти причины отсутствия фонемы h в неситских словах, соответствующих индоевропейским формам с «ларингальными» согласными.

Нахождение причин закономерного отсутствия согласного h в качестве рефлекса индоевропейских «ларингалов», объяснение этого явления как исключения из общего положения, вызванного определенными условиями языкового развития, является в то же время подтверждением положения и.-е. * h — нес. h и, следовательно, доказательством всей «ларингальной теории».

В теориях Е. Куриловича, В. Куврера, Э. Стертеванта отсутствие согласного h в неситских формах, восходящих к индоевропейским формам с «ларингальными» согласными, объясняется наличием особых «ларингальных», не давших в неситском языке согласного рефлекса в отличие от «ларингальных», представленных в неситском в виде согласного h .

Особые «ларингальные» согласные постулируются этими исследователями в языке-основе лишь на основании негативного свидетельства неситского языка; выделение таких фонем не оправдывается конкретными лингвистическими данными остальных индоевропейских языков.

Априорное постулирование особых «ларингальных» согласных не объясняет, на наш взгляд, причин отсутствия в неситских формах, восходящих к соответствующим индоевропейским формам с «ларингальными» согласными, фонемы h в качестве рефлекса этих «ларингалов», ибо такое постулирование основывается лишь на факте отсутствия неситских рефлексов, что само по себе требует объяснения.

При решении вопроса о неситских рефлексах индоевропейских «ларингальных» согласных следует применять комбинаторный метод анализа неситских форм, предложенный датским лингвистом Х. Педерсеном.

«Ларингальные» согласные, следовавшие за глухим или звонким взрывным, не дают в неситском языке рефлекса в виде фонемы h . Рефлекс «ларингального» согласного проявляется в этой позиции в том, что звонкий взрывной, передаваемый в неситской письменности всегда простым написанием, представлен в таких случаях удвоенным написанием соответствующего согласного. При этом характерное для индоевропейского различие между звонкими и глухими взрывными не играет в неситском решающей роли (знаки для глухих и звонких взрывных чередуются без всякой закономерности). Следовательно, основным графическим признаком фонемы, возникшей в результате слияния взрывного с последующим * h , является удвоенное написание взрывного без различения его первоначальной звонкости. Это ставит вопрос об идентичности фонем, возникших в результате слияния взрывного с последующим * h с фонемами, восходящими к индоевропейским глухим взрывным и передаваемыми в неситской клинописи, как правило, удвоенным написанием соответствующего согласного.

Неситская фонема, возникшая из * th -, характеризуется той особенностью, что она не претерпевает ассимиляции перед гласными переднего ряда в отличие от фонемы, восходящей к и.-е. * t , которая в подобной позиции переходит в аффрикату [ts]. На этом основании делается заключение, что неситская фонема, возникшая из * th -, была фонетически отлична от

чистого взрывного *t*; в противном случае *-t-* (из **tH-*) с необходимостью перешло бы в аффрикату [ts] перед гласными переднего ряда, т. к. закон ассимиляции действовал в неситском, судя по некоторым формам, и в период языкового развития, последовавший за слиянием **H* с предыдущим взрывным.

В древнеиндийском «ларингальный» в позиции между глухими или звонкими взрывными и гласными сливался с предшествующей фонемой, в результате чего возникал соответствующий придыхательный взрывной (Ф. Соссюр, Е. Курилович, Х. Педерсен, В. Леманн). Фонема *kh*, возникшая из комбинации глухого взрывного *k* с последующим «ларингальным», характеризуется той особенностью, что она не претерпевает в древнеиндийском палатализации перед *i*, *y* и *ä*, восходящим к и.-е. **ē*, в отличие от чистого взрывного *k*, переходящего в указанной позиции в аффрикату *c* (И. Ваккернагель, В. Леманн).

Отсутствие палатализации *kh* следует объяснить придыхательным элементом фонемы.

В результате слияния **H* с предыдущими взрывными возникает соответствующий придыхательный взрывной в некоторых случаях и в греческом языке.

Вообще древние индоевропейские глухие придыхательные взрывные возникли, по мнению большинства исследователей, из комбинации «ларингального» согласного с предыдущим чистым глухим взрывным; этим и объясняется то, что они встречаются сравнительно редко и чередуются в отдельных языках с соответствующими чистыми глухими взрывными.

В неситском языке фонема, возникшая из комбинации *t* с последующим «ларингальным» согласным и передаваемая всегда удвоенным написанием *t*, фонетически отлична от чистого взрывного *t*, т. к. она не претерпевает ассимиляции перед гласными переднего ряда.

Естественно заключить, что в результате слияния взрывных с последующим «ларингальным» согласным в неситском языке возникали соответствующие придыхательные взрывные. Придыхательным элементом фонемы, возникшей из *-*tH-*, и была задержана ассимиляция ее перед гласными переднего ряда, что находит аналогию в задержке палатализации в древнеиндийской фонеме *kh*.

Но удвоенным написанием, характерным для неситских придыхательных взрывных, возникших из комбинации «ларингального» согласного с предшествующим чистым взрывным, передаются в неситском и фонемы, восходящие к индоевропейским чистым глухим взрывным. В связи с этим ставится вопрос о придыхательном характере этих фонем и о передвижении в неситском языке индоевропейских чистых глухих взрывных в соответствующие придыхательные согласные.

О наличии в неситском языке придыхательных взрывных, соответствующих индоевропейским чистым глухим взрывным, можно судить и на основании соответствия и.-е. **k*—нес. *h*. И.-е. **k*, переходя в неситском в соответствующий придыхательный звук *kh*, дает в начале слова в некоторых случаях глухой задненёбный спирант *h*.

В работе приводится ряд этимологий, подтверждающих это соответствие.

Придыхательным характером *kh* объясняется и засвидетельствованное в неситском чередование *k* с задненёбным спирантом *h*.

Индоевропейские чистые звонкие и придыхательные звонкие взрывные передаются в неситском простым написанием соответствующего согласного. При этом знаки для глухих и звонких согласных чередуются без всякой закономерности. В неситском языке утеряно первоначальное фонематическое различие между индоевропейскими чистыми звонкими и соответствующими придыхательными звонкими взрывными.

Исходя из схемы передвижения согласных в армянском и германских языках, процесс передвижения согласных в неситском языке можно представить себе следующим образом: индоевропейские чистые глухие взрывные дали соответствующие придыхательные глухие, передаваемые графически удвоенным написанием соответствующего согласного; индоевропейские звонкие взрывные перешли в соответствующие глухие, передаваемые простым написанием соответствующего согласного (преимущественно знаками для глухих взрывных); индоевропейские придыхательные звонкие взрывные дали в результате дезаспирации соответствующие чистые звонкие, перешедшие в свою очередь в соответствующие глухие под действием причин, аналогичных тем, которые обусловили переход индоевропейских звонких взрывных в соответствующие глухие.

В результате неситского передвижения согласных первоначальная корреляция индоевропейских взрывных — глухие: звонкие: придыхательные звонкие — заменилась в неситском языке корреляцией — придыхательные взрывные: чистые взрывные. Таким образом, три ряда индоевропейских взрывных свелись в неситском языке к двум рядам, противопоставляемым по признаку аспирации.

Процесс передвижения согласных действовал в период обособленного развития неситского языка, т. к. ему предшествовал процесс ассимиляции *t* перед гласными переднего ряда, представляющий собой явление собственно неситское.

Передвижение согласных, имевшее место в неситском языке, было обусловлено, по всей видимости, воздействием ассимилированного им языка древнейших обитателей Малой Азии, языка хаттских племен.

Действительно, в хаттских текстах формы со звонкими согласными встречаются крайне редко. Звонкие согласные чередуются с соответствующими глухими. Звонкость взрывных, по видимому, не фонематична для хаттского языка.

Хаттский языковой субстрат вызвал оглушение и дезаспирацию индоевропейских звонких взрывных и придыхательных звонких, что повлекло за собой передвижение в неситской фонологической системе чистых глухих взрывных в соответствующие придыхательные в силу тенденции языка к сохранению древней системы корреляции индоевропейских взрывных.

В связи с положением о том, что удвоение взрывного выражает в неситском соответствующий придыхательный согласный, возникает вопрос о появлении в неситской письменности этой графической особенности, отсутствующей в аккадской клинописи, в которой удвоенное написание согласного передает соответствующий геминированный звук.

На основании палеографических соображений можно заключить, что неситская клинопись восходит к источнику, предшествовавшему старо-вавилонской клинописи эпохи Хаммураби (Э. Форер, Б. Ландсбергер, А. Гётце).

Большое сходство с богазкёйской клинописью проявляет письмо аккадских табличек из Нузу, датирующихся серединой второго тысячелетия до н. э.

В табличках из Нузу знак PI выражает слоги |wa|, |wi|, |wu|, тогда как |ri| выражается знаком VI. Отсутствуют и специальные знаки для эмфатических согласных.

Характерной особенностью нузийской письменности является также чередование знаков для глухих и звонких взрывных.

Письмо из Нузу проявляет своеобразие и в отношении передачи семитических сибилантов. Сем. *z, *s, *š передаются знаками для z. Аккадское š, восходящее к сем. межзубному спиранту *t̪, выражается в нузийской клинописи знаками для š, тогда как акк. š, восходящее к сем. сибилантам *š, *ś, может передаваться и знаками для s. Все это находит аналогию в старо-аккадских текстах. В приспособленной к аккадскому языку шумерской клинописи имелись знаки для сибилантов s, š и z. Два ряда аккадского š (из сем. *t̪ и *š, *ś) передавались в письме эпохи первой аккадской династии соответственно знаками для š и s. Оставшиеся в системе шумерской клинописи знаки для z стали применяться в аккадском для передачи остальных сем. сибилантов, т. е. z, s и š.

Однако уже в старо-аккадском проявляется тенденция к смешению двух рядов аккадского š, в результате чего они стали выражаться знаками для š, вытеснившими знаки для s.

которые стали применяться для противопоставления акк. s фонемам z и š, передававшимся ранее только знаками для z.

Большое сходство проявляет с нузийской письменностью хурритская клинопись письма митаннийского царя Тушратты. Отсутствие знаков для эмфатических согласных, смешение знаков для звонких и глухих взрывных, особое написание сибилантов — все это указывает на тесные связи хурритской силлабической клинописи с нузийским письмом.

Другим звеном в этой цепи является богазкёйская клинопись, которой выполнены тексты на неситском языке, а также на остальных языках, представленных в Богазкёйском архиве.

Эти разновидности клинообразного письма объединяют в общую группу под названием аккадско-хеттской клинописи (Ф. Тюрю-Данжен).

Особые связи проявляет неситская письменность с хурритской силлабической клинописью митаннийского письма.

В неситской клинописи, как и в хурритской и нузийской, отсутствуют знаки для эмфатических согласных. Знак KA выражает тот же задненёбный взрывной, что и знаки KA и GA. Знак PI выражает слог |wa|. В неситской клинописи знаки для звонких согласных чередуются с соответствующими знаками для глухих согласных. Особое распространение находит в неситской клинописи удвоенное написание согласного, восходящего к и.-е. глухому взрывному звуку. Удвоение согласного имеет фонематическую значимость и в хурритской клинописи.

Все эти особенности неситской письменности заставляют некоторых исследователей полагать, что неситская клинопись заимствована у хурритов, письмо которых восходит к старо-аккадскому силлабарии. Возникшее на базе хурритской клинописи различие звонких и глухих согласных при помощи простого и удвоенного написания согласных было перенесено в неситскую клинопись, которая представляет собой, согласно этим исследователям, приспособленную к нормам неситского языка хурритскую систему письма (Э. Шпейзер, Э. Стертевант).

Однако некоторые особенности неситской клинописи свидетельствуют против положения о заимствовании неситской клинописи непосредственно из хурритской.

В неситской клинописи знаками для š выражается свистящий спирант |s|, что видно из египетской передачи неситских имен. Сочетание t/d + š передается в неситском знаками для z. Это указывает на то, что z выражало в неситской графике аффрикату |ts|.

В хурритском языке имелось несколько сибилантов: s, z, š и ž. Спирант |s|, соответствующий нес. |s|, передавался в хурритской клинописи знаками для s. Знаками для z выражался в хурритском звук, соответствующий сем. |z|. Знаки

для š передавали звук, средний между |t| и |š|, и транскрибируемый знаком š. Знаки для š, чередующиеся с z, передавали в хурритском фонему z, представляющую звонкий вариант š (Э. Шпейзер).

Если допустить происхождение неситской клинописи из хурритской, то остается непонятным, почему не были заимствованы для передачи неситского |s| знаки для s, употребляемые в хурритской клинописи митаннийского письма и обозначающие звук |s|.

Необъяснимо при таком допущении и применение в неситском знаков š для передачи |s|. Не находит удовлетворительного объяснения и применение в неситской клинописи знаков z для передачи аффрикаты |ts|.

С другой стороны, применение в неситской письменности знаков š и z для передачи соответственно |s| и |ts| легко объяснимо, если допустить заимствование неситской клинописи непосредственно из аккадской.

При слиянии в аккадском в один ряд сем. *t и *š/*ś, выражавшихся в старо-аккадском соответственно через š и s, знаки эти стали чередоваться без всякой закономерности. При этом знаки для s стали постепенно вытесняться знаками для š. Неситская клинопись была заимствована в эпоху, когда знаки для z выражали в аккадском фонемы z, s и š. Знаки для z, которые выражали в аккадском звук |š|, передаваемый в семитических языках через различные аффрикаты, были применены в неситском для выражения аффрикаты |ts|; поэтому эти же знаки не могли уже быть использованы и для передачи неситского |s|. Для выражения неситского |s| в системе аккадской клинописи оставались знаки для š и постепенно вытеснявшиеся знаки для s. Поэтому вполне естественно, что для выражения в неситском сибиланта |s| были использованы аккадские знаки для š.

О заимствовании неситской клинописи непосредственно из аккадской свидетельствует и особое распространение в неситской системе письма шумеро-аккадских идеограмм и детерминативов, чем неситская клинопись резко расходится с системой хурритской силлабической клинописи. Попытка объяснения этой особенности неситской клинописи только последующей традицией и уподоблением неситской клинописи аккадскому письму в эпоху, когда составлялись неситские тексты, не может считаться удовлетворительной, т. к. встречающиеся в неситских текстах аккадские идеограммы представлены зачастую в формах, являющихся архаизмом для современного им литературного аккадского языка.

Наиболее вероятным источником неситской клинописи следует считать аккадскую клинопись в той ее разновидности, ко-

торая была распространена в северной Сирии и Верхней Месопотамии в начале второго тысячелетия до н. э. Обнаруженная в Сирии на территории древних городов Алалаха и Катны аккадская клинопись проявляет много общих черт с богазкёйской клинописью.

В работе дается анализ аккадской письменности из Сирии. Начертание знаков этой клинописи почти полностью совпадает с начертанием соответствующих знаков неситской клинописи. Не различаются знаки для звонких и глухих взрывных; знак VI применяется со значением |ri|, тогда как знак RI выражает слог |wa|. Отсутствуют и специальные знаки для эмфатических согласных. Полное соответствие с системой аккадско-хеттской клинописи усматривается в табличках из Алалаха и в отношении передачи аккадских сибилантов.

При заимствовании хеттами аккадской клинописи два ряда неситских взрывных были переданы не знаками для глухих и звонких взрывных, которые в старо-аккадском силлабарии четко не различались, а соответственно простым и удвоенным написанием взрывных. Простое написание согласного передавало в аккадском соответствующий чистый взрывной согласный, что и было перенесено в систему неситской клинописи для передачи чистых взрывных; для передачи в неситском придыхательных согласных прибегли к новому графическому способу — удвоению согласного, чем и была достигнута дифференциация в графической передаче чистого взрывного и соответствующего придыхательного согласного.

В хурритской силлабической клинописи митаннийского письма, восходящей, по всей вероятности, к тому же источнику, удвоение было применено для передачи глухих согласных в отличие от звонких, выраженных простым написанием соответствующего согласного.

Таким образом, в результате слияния «ларингального» согласного с предыдущим взрывным в неситском языке возникал соответствующий придыхательный согласный, передаваемый в неситской графике удвоением соответствующего согласного.

В позиции перед взрывными «ларингальный» согласный бесследно терялся, чем и объясняется отсутствие согласного h в подобных сочетаниях (Г. Хендриксен). Утеря «ларингального» согласного засвидетельствована и в интервокальном положении с последующими гласными «i» или «e», тогда как перед гласными «a» или «u» «ларингальный» согласный сохраняется в неситском в виде фонемы h (hh).

В некоторых неситских формах, соответствующих индоевропейским формам с «ларингальными» согласными, в качестве рефлекса их представлен гласный «a», восходящий к гласной форме *h, т. е. *ə (Х. Педерсен, Г. Хендриксен).

В начале слова «ларингальный» имел, по всей видимости, тенденцию к метатезе.

Подобной метатезой объясняется наличие долгих начальных гласных в таких индоевропейских словах, как лат. *āra*, оск. *aasas* «жертвенник, алтарь» наряду с нес. *ḥa-aš-ša-aš* «очаг»; др.-инд. *īṣā* «дышло» наряду с нес. *GIŠḥissa-* «дышло» и др. При этом индоевропейские формы с метатезой начального «ларингального» лежат в основе форм большинства ранее известных индоевропейских языков, тогда как соответствующие формы неситского языка восходят к первоначальным индоевропейским формам без метатезы.

Индоевропейские «ларингальные» согласные отражаются в неситском одинаково независимо от того, какой тембр придавали они первоначальному гласному «е». Нужно полагать, что первоначальные «ларингальные» согласные слились в одну общую фонему уже в индоевропейском языке. Процесс этот имел место после перехода коренного гласного «е» в гласные «а», («о») под влиянием «ларингальных». К этой общей фонеме восходит и.-е. **ə* (Г. Хендриксен).

В семитических языках наличествуют ларингальные фонемы (собственно ларингальные и фарингальные), которые влияют на соседний гласный подобно индоевропейским «ларингальным».

В аккадском языке общесемитические ларингальные теряются в начале слова, меняя тембр последующего гласного. Но те же фонемы, следуя за гласными, меняют тембр гласных и вызывают их удлинение. Подобный процесс произошел, по всей вероятности, во всех индоевропейских языках, в которых были утеряны «ларингальные».

В некоторых случаях общесемитические ларингальные согласные, подверженные исчезновению в результате расслабления их артикуляции, были заменены задненёбным сплантом *ḥ*, что способствовало их сохранению в качестве согласного звука.

Аналогичный процесс следует предположить и в отношении неситского языка.

При усвоении неситского языка хаттскими племенами индоевропейские «ларингальные», которые артикулировались, по всей вероятности, аналогично семитическим ларингальным согласным, были заменены глухим задненёбным сплантом *ḥ*, весьма характерным для неиндоевропейских языков древнего Востока. Чуждые их артикуляционной системе «ларингальные» согласные были заменены задненёбным сплантом *ḥ*, который, отличаясь от них физиологически, производит тем не менее аналогичное акустическое впечатление. Подобную замену ларингальных согласных в заимствованных словах и именах более устойчивым глухим задненёбным сплантом можно иллюстри-

ровать на примерах аккадского и других языков, в которых отсутствуют ларингальные согласные.

Такая замена глухим задненёбным сплантом «ларингальных» согласных, подверженных в индоевропейских языках, как и в языках семитических, постепенному исчезновению, и обусловила сохранение их в неситском в виде фонемы *ḥ*.

Отсутствие согласного *ḥ* в формах, в которых восстанавливаются индоевропейские «ларингальные», было обусловлено потерей **h* в определенном фонетическом окружении, соноризацией **h* и переходом его, как и в большинстве индоевропейских языков, в гласный «а», а также аналогией с формами, в которых отсутствует *ḥ* закономерно.

Все эти процессы имели место в неситском языке до замены **h* сплантом *ḥ*.

В морфологической структуре неситского языка обращает на себя внимание отсутствие различия грамматической категории мужского и женского родов, хотя некоторые неситские формы свидетельствуют о наличии категории женского рода на древнейшей ступени языкового развития. Слияние категорий мужского и женского родов в неситском в общий род произошло, по всей видимости, под влиянием хаттского языка, которому чужда категория грамматического рода. Весьма характерно, что в неситском языке замечается тенденция к уподоблению форм среднего рода формам общего рода, в результате чего неситский язык переходил к типу языков, которым чужда категория грамматического рода.

При переходе хаттских племен на неситский язык постепенно утрачивалось в неситском чуждое их языковому восприятию противопоставление имен по грамматическому роду, характерное для языков индоевропейского строя.

Такая утеря категории грамматического рода происходила путем уподобления форм одной категории формам другой под влиянием типологически отличной структуры языка-субстрата.

Нехарактерную для индоевропейских языков картину показывает неситский язык и в образовании степеней сравнения не специальными суффиксами, а описательно, при помощи синтаксических средств.

В отличие от индоевропейских языков особое распространение находит в неситском словообразовании, как и в хаттском, редупликация целой основы.

Из хаттского языка заимствован, по всей видимости, суффикс *-el*, образующий формы родительного падежа местоимений и являющийся адъективным суффиксом принадлежности.

Необъясним в неситском с индоевропейской точки зрения местоименный суффикс *-el*, *-ila* «сам».

К числу неиндоевропейских элементов неситского языка относится также суффикс -шпа-, образующий имена по месту происхождения.

Из хаттского языка заимствован суффикс -sh-, употребляемый в отглагольных образованиях.

Не находят удовлетворительного объяснения с точки зрения индоевропейских языков суффиксы инструментального падежа -it (-ta) и аблатива -(n)z.

К хаттскому языку восходит также суффикс родительного падежа единственного и множественного числа -ap.

Все эти элементы возникли в результате длительного взаимодействия неситского языка с неиндоевропейскими языками древнего Востока и обогащения за их счет его лексического состава и морфологической структуры.